

Стасс Бабицкий

ВОЛОШСКИЙ УКРОП

Г-нъ Араповъ!

якъ не привлечьъ полицію
похищенія Анастасіи.

нетъ безъ слѣда.

отдѣльно.

Стасс Бабицкий
Волошский укроп
Серия «Сыщик Мармеладов»

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Май 1876 года. В Москве средь бела дня похищена дочь обер-полицмейстера. Злодей прислал записку безутешному отцу, требуя в качестве выкупа раскрыть важные государственные секреты. Сыщик Мармеладов идет по следу, даже не подозревая, что коварный преступник уже приготовил для него ловушку...

Содержание

I	4
II	11
III	20
IV	33
V	43
VI	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Стасс Бабицкий

Волошский укроп

I

*– Мы завьем венки
Да на все святки.
На все святки,
На все празднички.*

Песенка ворвалась с улицы через приоткрытое окно и, конечно же, разбудила девочку. Пробуждение не было резким, какое возникает обычно от петушиного крика или ушата холодной воды. Не тянулось оно мучительно и мучительно, как если бы старший брат настойчиво встряхивал за плечо, либо же младший канючил в самое ухо: «Ну вставай уже, встава-а-ай!» От всех подобных случаев просыпаются со стоном, с недовольной гримасой на лице. А в этот раз Анастасия почувствовала, что незамысловатый мотив поднимает ее и ласково подталкивает в спину, словно волны крымского моря.

*– На все празднички,
На Духовные.*

Она открыла глаза, вспорхнула с кровати и белым облачком полетела к свету. Такую легкость испытывала, что ноги будто не касались пола. Выглянула в окно, но певуны уже скрылись за большим домом на углу Столешникова переулка. Таяла вдали мелодия:

*– На Духовные
Да на венковые.*

Анастасия присела на подоконник, жмурясь от ощущения неземного счастья. Вчера она впервые была на исповеди, а сегодня, совсем скоро, примет первое взрослое причастие. Да, да, она больше не станет подбегать к священнику в стайке малышей, пыхтящих и толкающихся локтями, переполненных неумной энергией, которую не смиряют ни строгие шиканья прихожанок, ни даже суровые взгляды с образов. Нет, нет, теперь ей нужно подходить тихо, опустив плечи и склонив голову, в свою очередь после немощной старухи или дородной купчихи. Ведь теперь она не младенец какой-нибудь, а барышня, ей неделю назад исполнилось целых семь лет.

– Проснулась? Превосходно. Собирайся скорее, не то опоздаем.

В комнату заглянул отец, Николай Устинович Арапов. Гладко выбритый, в парадном, – по случаю праздника, – мундире, застегнутом на все пуговицы. Посторонился в дверях, пропуская старую нянюку, та несла отутюженное платье

нежно-голубого цвета и в другой руке...

– Ой, нянюшка, веночек! Да какой же чудесный, – позабыв свои рассуждения, она по-детски прыгнула с подоконника, бросилась к зеркалу, восхищенно приговаривая, – Васильки! Колокольчики! Где же ты их достала?

– Нешто ж я для моей красавишны не расстараюсь?! – улыбнулась старушка и тут же погрозила узловатым пальцем. – Ты прежде оденься да волос расчеши, егоза...

Анастасия нырнула в платье, слегка запуталась в вороте, но не стала капризничать, как обычно, напротив – засмеялась. В такое утро можно ли быть хмурой? Троицын день! Зеленые святки. Сегодня она будет носить венок, не снимая, а ввечеру бросит в Язу. Поплывет – счастье ждет, а утонет... Нет, не стоит заранее думать о грустном? Голубой веночек непременно поплывет. Даже жалко такую красоту – и в реку, но все взрослые барышни гадают, значит и ей надобно. Только сперва придется причесаться, чтобы никто не ворчал.

Старуха цепко ухватила гребешок с узорчатой резьбой и несколько раз с силой провела по золотистым локонам – Анастасия пискнула от боли, слезы брызнули из глаз. А нянька уже тащила ее к умывальнику, поливала, терла, чистила и, наконец, вытирала насухо.

Отец сразу ретировался, якобы проверить заложил ли кучер экипаж. На самом деле он, хотя был генералом, служил обер-полицмейстером всея Москвы и наводил страх на разбойный люд, совершенно робел в присутствии этой пожи-

лой женщины. Возможно потому, что она чрезвычайно похожа на кормилицу, которая воспитывала юного Николеньку в Тульской губернии. Причем настолько сурово, что впоследствии и Пажеский Его императорского величества корпус показался курортом, несмотря на строгую военную дисциплину. Даже и сейчас, приближаясь к полувековому юбилею, г-н Арапов все еще с содроганием вспоминал моменты своего детства.

Некая робость могла объясняться еще и тем, что глава полиции не умел общаться с дочерью. Сторонился, откровенно говоря. Когда она, запрыгнув к нему на колени, ластилась, словно котенок, все, на что он мог отважиться – погладить девочку по волосам и сказать: «Полно, полно, беги к маме!» Нежным именем Настенька удосужил лишь однажды, пару лет назад, и то потому, что болела серьезно, а доктор давал безрадостные прогнозы. Любил ли г-н Арапов дочь? Безусловно. Просто весь ее мир был так же далек от него, как, ну положим, Бразилия, и настолько же труден для понимания.

Вот с мальчишками не в пример легче находить общие темы. Племянники обер-полицмейстера сидели на крыльце и развлекались, швыряя камешки на соседский балкон с колоннами, однако завидев дядю, моментально вытянулись, как на плацу. Тот одобрительно улыбнулся. Потрепал младшего, Павлушу, за непокорные вихры и стремительно поцеловал в макушку – со стороны выглядело, будто большая

раззолоченная птица зернышко клюнула. Ребенок захохотал от восторга, много ли надо карапузу в четыре года. У старшего, Георгия, вспыхнули уши, заранее сконфузился на случай, если дядюшка захочет повторить и с ним тот же маневр. Г-н Арапов проявил понимание и такт, хоть и нагнулся к мальчику, но ограничился тем, что поправил съехавшую на затылок фуражку – как-никак гимназист десяти лет должен выглядеть солидно и безупречно.

– Здесь всего-то пять минут, по Дмитровке... Может, все же отправимся в карете?

Вопрос этот генерал задал без малейшего проблеска надежды на понимание и согласие – так военачальник почти разбитой армии призывает соперника кончить дело миром. Но дети были непреклонны.

– Конка! Конка! – закричали они и запрыгали вокруг дяди. – Ко-о-онка-а-а!!!

К звонким мальчишеским голосам, которых и без того уже было довольно, чтобы разбудить всех соседей, добавился визг Анастасии. Она выпорхнула на крыльцо и генерал поднял белый флаг.

– Жди теперь, Федор Кузьмич...

Старый кучер, приставленный по службе к казенному экипажу полицейского ведомства, понимающе усмехнулся в бороду. Все повторяется. На Пасху-то ровно эту же сцену разыграли, правда, погода позябче была. Оно и понятно, детворе пряника не надо, лишь бы прокатиться в английском

вагоне.

Г-н Арапов поглядел с тоской на ретивых коней, всхрапывающих и бьющих искры из камней мостовой. Может до Неглинной прокатиться? Нет, пустое. Там не развернуться, афишная тумба помешает. Только время на объезд терять, пешком быстрее. Обер-полицмейстер крикнул и поспешил, нагоняя детей, с гоготом устремившихся вниз по переулку.

Обычно конка на Неглинной улице не останавливалась, имея на то строжайший запрет. Но когда сияющий на солнце вагон появился из-за поворота, Николай Устинович просто поднял руку и лошади вмиг встали пред ним, как сказочная Сивка-Бурка. Их и вправду звали именно так – Сивка и Бурка, хотя сей малозначительный факт к нашей истории отношения не имеет. Пусть бы их звали хоть Гог и Магог, на дальнейшие события это ровным счетом никакого влияния не оказало бы. Лошади встали, кучер и кондуктор вышли, чтобы поклониться большому чину. Г-н Арапов, сделав вид, что не заметил такого почтения, обратился к детям: – Ну, так я встречу вас у церкви...

Потом, вновь уподобившись раззолоченной птице, коротко клюнул Павлушу и Анастасию. Развернулся на каблуках, пошел быстрым шагом обратно к карете, размышляя на ходу на сколько обгонит конку. Пожалуй, что минут на двадцать. Как раз будет время с супругой перемолвиться. Вера Александровна, вместе с сестрой обер-полицмейстера, еще

накануне отправились в храм, на всенощное бдение. Ему же поручили вовремя доставить детей. Вот и прикидывал теперь: успеют ли к причастию. Это объясняло некую озабоченность, с которой он усаживался в карету, да и сон вспоминался не к месту, с четверга на пятницу виденный. Будто бы стоит на холме зеленом, перед обрывом и пытается удержать дочку в вытянутой руке, но силы покидают его, Анастасия падает вниз, оставляя в кулаке только ленточку... Впрочем, глупости. Пусть старые няньки во сны веруют. А ему, человеку просвещенному, не должно на такую ерунду внимание обращать.

Г-н Арапов откинулся на мягкую спинку, вытянул свои нескладно-длинные ноги и скомандовал:

– Трогай, Федор Кузьмич!

II

Мальчишки с азартом рванули к лестнице во второй этаж вагона, который носил гордое название империал. На самом деле гордиться там было особо нечем – две деревянные лавки, сбитые спинками и хлипкие ограждения из железных прутьев. В дождливые или ветреные дни поездка наверху становилась жестоким испытанием, при полном отсутствии крыши и стен пассажиры чувствовали себя неудобно. Но в такое приятное утро, когда вокруг разлиты солнце, небо и благодать, просто не терпелось в них окунуться.

– За билет в империале извольте три копейки, за обычный билет пять копеек, – кондуктор Фуфырев говорил надменно и недружелюбно: затаил обиду на обер-полицмейстера, который не считал нужным даже кивнуть в ответ на его почтительный поклон, вот и отыгрывался на детворе.

Медяки посыпались в кондукторскую сумку. Анастасия тоже хотела пройти наверх, но Фуфырев был неумолим. Не положено барышням на империал, и все тут. Мстительный мерзавец! Помнится, он и на Пасху ее не пустил во второй этаж. Только для мужчин, видите ли. Какие-то пещерные правила, будто бы женщина и не человек вовсе.

А братья... Формально они состояли в двоюродном родстве и следовало называть мальчишек кузенами, но г-н Арапов, известный противник всего европейского, воспитал

в дочери отвращение к заграничным словам. Запрещал он также называть детей Полем и Жоржем, на французский манер, как это происходило в других дворянских семьях. Поэтому Анастасия привыкла называть их братьями. Теперь же захотелось крикнуть им вослед: предатели! Как посмели бросить ее одну? Поездка сразу растеряла половину своей привлекательности, девочка надула губки и села в самый дальний угол, отвернувшись от Фуфырева и немногочисленных утренних ездоков.

Она злилась все время, пока конка двигалась по Неглинной. Но когда подъехали к бульварам и появились цветущие каштаны, спохватилась: ох, да что же я такое делаю... Гневаться и так смертный грех, а в праздник, поди, и вовсе за два греха считается. Анастасия вытерла набежавшие слезинки и заставила себя улыбнуться. Так-то лучше.

Конка остановилась возле Трубной площади. Здесь, несмотря на ранний час, уже шумел и суетился рынок. Продавали сразу все: пожухлый бурак и брюкву-саксонку, пряности, страшиноватые на вид весенние грибы, чашки фарфоровые, потускневший бронзовый подсвечник, какие-то вещи с чужого плеча... А еще птичек в клетках, которых было ужасно жалко. Вот и все, что разглядела из своего окошка девочка.

Вагон конки пополнился новыми пассажирами. А фореиторы в зеленых куртках подвели двух лошадей пегой масти, с полинявшими боками.

– Теперь еще и этих запрягут, а после сразу поедem дальше, – слышались громкие объяснения кондуктора. Он распушил хвост, словно павлин, и не отходил от некой дамы лет тридцати, судя по одежде – гувернантки. Та постоянно отворачивала лицо от Фуфырева, но ее надменный профиль, видимо, распалял еще больше, потому что объяснения продолжались. – Без дополнительной конной тяги вагон по Рождественскому бульвару не поднимется. Видите, как горбится мостовая?

Анастасия знала про сложный подъем. Как и про то, что лошадам тяжело, даже вчетвером, тащить в горку громоздкую махину, набитую людьми. Их тоже всегда было очень жалко, а все же не так сильно, как птичек в клетках. В обычные дни она бы с восторгом наблюдала, как пегих кобылок запрягают парой, а после цепляют к Сивке и Бурке за длинную... Э-э-э, штуку с крюком? Георгий знает, как называется эта штука. Однако сейчас он на империале, смотрит во все глаза и поддерживает Павлушу, чтобы не упал вниз, а то ведь этот любопытный сорванец всегда перегибается через хлипкое ограждение. Да, в обычные дни...

Но сегодня-то праздник великий. Девочка засмотрелась на большой каштан, весь в цветущих «свечках». Этот старый каштан, великан среди соседних деревьев, изрядно нависающий над дорогой, вдруг напомнил ей храм. Церковь вчера была убран ко всенощной – вокруг икон зеленели березовые веточки, пол устилала скошенная трава. Священник, прини-

мавший ее первую исповедь, также был облачен в зеленое. А кругом горели свечи.

Разумеется, девочка была в полном смятении. Запиналась, пыталась сказать, но слова не шли наружу, застревали где-то в горле, сбиваясь в большой комок. Тогда батюшка наклонился близко-близко и шепнул:

– Боишься?

Она кивнула.

– Чего боишься? Наказания? – продолжал допытываться священник.

Анастасия снова кивнула, не в силах проглотить комок, который мешал уже не только говорить, но и дышать. Ей казалось, что вот прямо сейчас случится обморок.

А бородач в рясе сел рядом, прямо на усыпанный душистыми травами пол, обнял ее за плечи и заговорил тихонько:

– Я тоже на первой исповеди боялся. Думал, Бог не простит, накажет за грехи. Все и всегда именно наказания страшатся. Да что мы с тобой, простые грешники... Даже апостолы боялись, сильно боялись. Их ведь могли казнить, многих христиан в те времена казнили, мучили страшно. И вот в такой же точно день, канун Троицы, сидели они, запершись на все засовы, окна ставнями загородили. Вдруг шум, треск, огонь явился с неба и, представь себе, над каждым апостолом зажегся язык пламени. Это тоже могло напугать. Меня бы уж точно напугало, до обморока.

Девочка знала эту историю, нянька читала ей Евангелие.

Но святой отец рассказывал по-другому, простыми словами. Не ощущалось в них ослепительного величия, зато все было понятно.

– А вместе с этим пламенем пришла к ним сила великая, апостолы вышли к народу и стали проповедовать слово Божие, основали церковь Христову. Хотя снаружи-то ничего не изменилось. Мир язычников был все так же жесток к христианам. Их по-прежнему могли казнить. Просто Петр, Павел, Андрей и другие уже не боялись. Святой Дух исцелил их от страха, оставив только веру, надежду и любовь.

Священник трижды провел рукой по волосам Анастасии и ладонь показалась ей горячее пламени.

– Я однажды понял, что вовсе не наказания надо бояться, а греха. Грехи наши тяжкие лежат на душе камнями, давят дено и нощно. Зачем такой груз таскать? Какая в том радость? А покаешься, сбросишь грехи – сразу легче, и дышится свободнее.

– Но потом ведь накажут?! – пискнула девочка.

– Конечно, накажут. Но с чистой душой и наказание легче переносится, – улыбнулся священник. – Разве отец не ставит тебя на горох за шалости? Не кивай, по глазам вижу, что случалось такое. Но потом ведь обнимет и простит, правда? Вот и Господь для нас не только строгий судья, но и отец небесный. Как только ты, отроковица, от грехов своих отречешься, Он примет тебя в объятия и все простит. Не запирайся от Него, отвори двери и ставни души своей, и живи

счастливо.

Слова священника, довольно молодого еще человека, глубоко тронули девочку, нет, теперь уже отроковицу – так он назвал. Комок в горле распался сам собой и излился слезами. Анастасия уткнулась в русую бороду и, всхлипывая, пересказала все свои детские прегрешения.

Потом уже, поздним вечером, ворочаясь в кровати без сна, она вспомнила еще несколько грехов, в которых не покаялась. Месяц назад на балу подглядела, как юная графиня Б. целуется с молодым корнетом, у него еще только-только усики пробивались. Позавидовала. А зависть – грех. Потом еще мамин браслет из ларчика драгоценного без спросу брала. Это ведь то же самое, что украла. Нет, потом-то на место положила, никто и не заметил. Но Бог все видит. Значит, считается.

Как же ей к причастию без отпущения грехов этих идти? Вдруг прикоснется она губами к священному вину, а тут затрубят трубы и явятся в золотом дыму ангелы небесные. И громогласно, на весь храм, провозгласят: «Грешница великая! Воровка, завистница и лгунья!» Она ведь прямо там со стыда и помрет. Нет, нельзя такого допустить. Анастасия вспомнила красивое, чуть вытянутое лицо священника, – как его звали? Отец Алексей, кажется. Вот к нему подойдет и про забытые грехи расскажет. Батюшка поймет, у него глаза добрые.

Она перекрестилась, глядя на каштан и тут только поняла,

что конка стоит на месте слишком долго. Давно уж ехать пора. Девочка высунулась из окна вагона, пытаясь разглядеть, что же там стряслось.

А стряслось вот что. Лошадь закатывала карие глаза и норовила встать на дыбы. При этом страшно дрожала, словно в лихорадке – кучер похлопывал по правому боку, ощущая пальцами волны мышечных спазмов, перетекающих от головы к хвосту.

– Бурка! Какой бес в тебя вселился?

– Может, мыша увидала? – предположил фореитор, бойкий коротыш лет пятнадцати.

– Сам ты мыша! – осерчал кучер. – Не видишь, пена на губах? А никто лошадку-то не загонял. Не иначе как в сене попало чего. Борец-корень, синеглазка или ведьмина трава.

Он принялся к дыханию лошади, словно мог по запаху определить, какую именно отраву та проглотила. Бурка всхрапнула, доверчиво ткнулась мягким носом в щеку кучера, отчего тот засопел и покачал головой.

– Ты вот что, Ерёмка, выпряги ее. Напои хорошенько, успокой. Погуляй подольше, можа и отпустит... А мы как-нибудь уж на трех подыдемся. Народу в кузове мало.

Кондуктор, оторвавшийся по такому экстренному случаю от надменной гувернантки, не сдержал усмешки. Старик упорно не хотел употреблять слово «вагон», все по-старинке именовал. Фуфырев же смотрел с позиций просвещенных, а потому ясно понимал, что прогресс неумолим. Уже через

три года, максимум через пять, конку протянут по всем центральным улицам и не останется в Москве извозчиков. Со всем не останется. Оно конечно, г-н Дарвин со своей теорией эволюции напутал, где же это видано, чтоб человек произошел от обезьяны? Ну, положим, где-нибудь на далеких островах, может быть и такое. Но у нас-то, в России, известное дело, человек от Бога произошел! Зря все-таки не запретили эту псевдоученую ересь печатать. Но в коммерческом или в промышленном смысле дарвиновская теория работает идеально: кто сильнее, тот и выживет. Вот, говорят, совсем скоро запустят самодвижущиеся вагоны, тогда и у кучеров работы не останется. А кондукторы, те всегда пригодятся. Деньги-то собирать и в чудо-вагонах надобно...

Конка вздрогнула и, покачиваясь с боку на бок, двинулась на подъем. Лошади шли тяжело, оступаясь на каждом третьем шаге. Их могучие загривки лоснились от пота. Кучер отложил кнут, понимая, что в такой ситуации подгонять лучше добрым словом.

– Пошли, ласточки! – понукал он. – Нешто не сдюжим? Пошли, пошли, родимые!

Фореиторы тянули за узду, покрикивая совсем другие слова. Непонятно, что именно сработало, но вагон поехал заметно быстрее. Поднялись к Малому Кисельному переулку, остановились у Карамышевской усадьбы. Лошади тяжело дышали и даже забывали отгонять мух взмахами хвостов. Здесь их снова перепрягли, и на двух пегих двинулись даль-

ше, к Сретенской церкви.

У поворота на Большую Лубянку в нетерпении прохаживался г-н Арапов. Вот он просветлел лицом, заметив мальчиков, машущих руками и кричащих с империала. Но тут же снова нахмурил брови: конка прибыла с изрядным опозданием, по этому поводу обер-полицмейстер намеревался отчитать нерадивого кучера. Да заодно и кондуктора – тот ему откровенно не нравился, слащавая улыбочка, угодливый изгиб спины, право слово, будто знак вопросительный.

– Что же вы, черти..., – начал было он распекать, поднимаясь в вагон, да тут же и осекся на полуслове.

Затихли и мальчишки, сбежавшие по лестнице с империала.

Кондуктор Фуфырев прижал ладонь к груди и стал сбивчиво оправдываться, но обер-полицмейстер не слушал. Он сделал пару нетвердых шагов по проходу, озираясь по сторонам, заглядывая за спинки сидений и громко выкликая:

– Настенька! Доченька! Где ты?

III

Сад Эрмитаж этой весной преобразился до неузнаваемости, и потому вся Москва устремила сюда на прогулку. Возле двух больших прудов ажурные скамейки были заняты разночинной публикой. Беседки, врезанные в тенистые заросли, вдали от основных дорожек, были заполнены смеющимися молодыми людьми. Где-то пили шампанское, которое принес запыхавшийся юнец из ресторации. Где-то играла гитара и чарующий голос напевал цыганский мотив, услышав который Митя невольно пробежался рукой по карманам, всё ли на месте.

Такой небывалый наплыв любителей прогулок на свежем воздухе вызвали не только архитектурные перемены или стриженные по заграничной моде кусты. Новый арендатор парка, г-н Лентовский, обещал прекрасные водевили и иные представления под открытым небом, как раз с Троицына дня. Отсюда и столь огромный интерес к Эрмитажу.

— Зря злословцы утверждают, что столица просыпается рано, а москвичи не покидают постели до полудня. Посмотри-ка ты, только четверть двенадцатого, но уже негде присесть!

Митино брюзжание объяснялось просто: купленные накануне яловые сапоги изрядно жали, особенно правый. Но свободных скамеек на было, приходилось бродить бесцельно во-

круг пруда. Почтмейстер заметно прихрамывал, но радость от общения с приятелем, которого не видел почти полгода, искупала все тяготы прогулки.

Упомянутый приятель, литературный критик Мармеладов, человек довольно язвительный по натуре, в ответ заметил:

– Деловитость в сапогах ходит, да только они тебе не по ноге. Что же ты выиграл от повышения, кроме золотого канта на фуражке да неудобной обуви?

– Не скажи, братец. Я, видишь ли, теперь не просто почтмейстер, начальник почтово-телеграфного округа. А это, почитай, 250 рублей в месяц, с учетом «столовых». Выгодное...

Он высмотрел свободную скамейку – влюбленная парочка как раз в этот момент умчалась кататься на лодке, – и поспешил занять ее с самым решительным видом. Хотя при этом походкой он напоминал пингвина, а страдальческим выражением лица – кокер-спаниеля. Плюхнулся, поманил к себе критика и закончил:

– Выгодное дельце!

Мармеладов сел рядом, сложил руки на набалдашнике черной трости, опустил на них подбородок и несколько минут молча смотрел, как лодки скользят по водной глади – одни спокойно, а прочие рывками... Три крепких парня затеяли соревнование и теперь пересекали пруд наискосок, разгоняя остальных громким посвистом.

– Рискну предположить, что в этой фразе должно по-

явиться некое «но», – сказал он наконец. – В современном обществе редко бывает выгодное дельце и без подвоха.

Улыбка почтмейстера облетела, как яблоневого цвет под весенним ливнем.

– Все так.

Критик перевел на Митю внимательный взгляд и с ходу выявил диагноз.

– Перлюстраторы?

– Откуда... – опешил тот. – Я, наверное, никогда не пойму: как тебе это удастся?

– Простое умозаключение, – Мармеладов снова вернулся к созерцанию импровизированной регаты. – Когда говорил о выгоде, лицо у тебя перекосилось, а нос наморщился, будто учуял неприятный запах. Стало быть, что-то в этом дельце вызывает брезгливость. Причем ты не можешь это изменить, хоть и начальствуешь в целом округе. Приходится смиряться. А по вашему ведомству самое гадкое и противное – это как раз перлюстрация. Более того, бороться с ней невозможно, поскольку одобрена сия низость на самом высоком уровне. Из наблюдения за твоими гримасами и родился вывод.

Митя восхищенно слушал приятеля, кивал и с нетерпением ждал момента, чтоб подтвердить правильность вывода.

– Верно. У нас в почтовой конторе посадили агента тайной полиции – здоровый детина, пахать на таком можно. Он вскрывает сомнительные конверты и читает, что люди пишут друг другу. И этот самый перлюстратор, – я их назы-

ваю перехватчиками писем, чтобы язык не ломать, — по природе своей мерзейшая личность. Постоянно хихикает, когда читает. Противно так хихикает, а как найдет что-то неблагонадежное, аж руки потирает от радости. Раздражает он меня, братец.

— Опять морщишься, — откомментировал Мармеладов, — будто слизняк съел. Надо тебе последить за выражением лица, а то как бы не разжаловали обратно. Начальство должно проще относиться к сделкам с совестью, а ты теперь большой чин. Радоваться должен. Человек же работает с азартом, старание прикладывает. Ради безопасности императора, либо московского градоначальника, либо еще кого-то, но непременно во благо государства.

Митя оторопел, даже дышать перестал, но разглядев озорные искорки в глазах приятеля, выдохнул с облегчением.

— Экий ты насмешник... А я уж было подумал, что все-рьез!

— Наверное, воздух Европы сделал меня чуточку вольнодумцем. Хотя... Я ведь в самом деле много размышлял, пока путешествовал. И вот что пришло в голову. Давешняя моя теория о том, что можно разрешить себе убийство ради некой «великой» цели, — причем величие здесь непременно стоит заключить в кавычки, поскольку оно мнимое и происходит из заблуждения человека, — так вот теория эта срабатывает на любом уровне. Дробится на более мелкие осколки. Люди наделяют себя правом на любую подлость — слежку,

шантаж, доносы, выколачивание признаний, да вот хоть бы и эту твою перлюстрацию. И вроде бы по отдельности все это не так страшно, как убийство, однако через всю эту мелкую с виду подлость сейчас многим людям страдание выходит. А скольким еще выйдет в будущем?

– Гоняли мы с тобой революционеров, а сами-то, сами, – почтмейстер сдвинул фуражку вперед и почесал затылок в растерянности.

– Что ты, Митя, революции тут не помогут. От них наоборот, еще хуже делается, поскольку любая смута все низкое в человеке еще больше обнажает, – Мармеладов говорил отстраненно, наблюдая при том, как трое спорщиков развернули лодки и размашисто двинулись обратно, к дальнему берегу пруда. – Тут бы надо каждому внутри себя построить крепость и там заточить все подлое и гадкое, что в нас есть. А тюремщиками поставить совесть и стыд. Отказаться от «великих» предприятий, но только по доброй воле. Тогда, глядишь, и сумеем сохранить нравственный закон внутри нас. Но это так, очередная теория...

Он взмахнул тростью и отбросил маленький камешек в зеленую пирамиду ближайшего куста.

– Трость, надо полагать, дань парижской моде? – желая увести приятеля на более легкий разговор, спросил Митя.

И не угадал.

– Подарок от нашего общего знакомого, полковника Пороха. Прислал к Рождеству, за помощь в поимке бомбистов.

– Похвалил, значит?

– Это как посмотреть. Видишь, на рукояти гравировка: «Иным острым идеям лучше бы никогда не покидать ножны»... Отношения наши по-прежнему далеки от взаимной приязни. Порох и вся столичная охранка, воспринимают меня как меньшее зло и обращаются лишь в том случае, когда не могут сами победить зло более крупных форм и размеров. Не исключаю, что втайне лелеют надежду: не справится однажды Родион Романович с каким-либо преогромнейшим злодеем, так пусть оно его и сожрет... А знаешь, Митя, ну их всех к лешему. Пойдем-ка лучше в трактир и пропьем все, что не пропито в заграницах!

Деньги, уплаченные финансистом Шубиным за успешно раскрытое дело с ограблением, были почти целиком потрачены на путешествие. Зиму Мармеладов провел в Париже, на обратном пути задержался в Вене и Берлине.

– А ты г-жу Меркульеву навестил? – с любопытством спросил почтмейстер, прислушиваясь к ощущениям в правом сапоге. – Она ведь тоже где-то в Европе сейчас.

– Нет. Я долго размышлял – заехать к Луше или нет, но в итоге счел эту затею неразумной.

– Господи, да при чем же здесь разум? – воскликнул Митя. – В таких делах лучше слушать, что сердце подскажет.

– Сердце – лишь мышца, которая двигает кровь по человеческому организму. Такой же простой механизм, как часы. Мозг куда сложнее устроен. В нем могут одновременно

уживаться логика, здравый смысл и воспоминания о чудных мгновеньях... Кстати сказать, в Париже я узнал, что французы с восторгом читают Пушкина!

– А других русских поэтов?

– Помилуй, друг мой, да есть ли другие? – улыбка литературного критика вышла кривобокая, как турецкий ятаган. – Но, впрочем, и их читают... Виделся с г-ном Тургеневым, он часто устраивает холостяцкие обеды с Флобером и Гонкурами. Оттого стал несколько шире не только во взглядах, но и в талии. Встречал издателя Суворина – милейший человек, приезжал за опытом. Во Франции продают серию книг для бедных, в дешевых переплетах, но прекрасные произведения. Так вот Алексей Сергеевич затеял такую же библиотеку у нас выпускать. Три дня мы с ним составляли список классических и современных авторов – романы, повести, рассказы и очерки. Томов двести набралось. И тут Суворин говорит: «Дело за малым, теперь надо обучить нашу бедноту грамоте».

Митя захохотал, пожалуй даже чересчур громко, несоразмерно рассказанному анекдоту. Но очень уж хотелось поскорее разогнать осадок от недавнего разговора.

– А самое прекрасное, удалось побывать в доме у Жюль Верна, – Мармеладов взмахнул руками, как бы демонстрируя масштабность события. – Был допущен в святая святых, кабинет писателя. Там огромная карта мира, во всю стену. Веришь ли, на ней вообще нет пустого места! Исчерка-

на пунктирными линиями, вокруг кружочки, стрелочки. Порою какая-нибудь пустыня исписана целыми абзацами, а рядом верблюд с двумя горбами нарисован.

– Для вдохновения? – уточнил почтмейстер.

– Наивность этого предположения доказывает, что ты, Митя, ничегошеньки не знаешь о писателях. Ты очевидно думаешь, что monsieur Верн любит закатом, а потом бежит домой и второпях, роняя слезы умиления и восторга, записывает свои мысли и так вот рождается великое произведение? Разочарую тебя. Monsieur Верн, как и многие другие писатели, трудится по десять часов в день. Подобно шахтеру, перелопачивает тонны шлака, чтобы выискать крупички золота. А уже из них плетет нам сюжеты, в том числе и про прекрасный закат.

Митя глядел недоверчиво, хотя сомневаться в том, что критик лучше знаком с писательским миром не приходилось.

– Зачем же тогда карта? – переспросил он.

– Карта monsieur Верна – это золотая жила, которую что шахтеру, что писателю, удастся обнаружить раз в жизни, – улыбнулся Мармеладов. – Французский гений задался целью написать романы о приключениях в каждой точке земного шара и следует ей неукоснительно. Здесь расчет тонкий: книги наполнены экзотикой, которую простой читатель в привычной жизни не встретит, – вроде того же верблюда или ядовитой африканской мухи, – а значит, хорошо прода-

ются. Перенеси он все свои сюжеты на пыльные парижские улочки, мало кто стал бы это читать. Приступая к очередной книге, писатель смотрит на карту: «Так, где мы еще не были... Антарктида? Отлично!» И через месяц продает рукопись за немыслимые деньги.

– Но откуда же он знает про эту самую муху, про Африку или Антарктиду? Наверное, много путешествует, – предположил Митя.

Вот тут уже Мармеладов рассмеялся в голос.

– Ох, чистая душа... Да пойми же ты, успешный роман – это обман. На два-три реальных факта накручивается выдумка. Вот, представь, какой-нибудь досужий сочинитель прочитает в старой газете рассказ о суде по твоему делу. Возьмет оттуда семь строчек. А далее, фантазируя вокруг да около, сотворит сюжет на семьсот страниц, с подробными описаниями и диалогами. Философии туда насыплет, религии накапает... Так и получается роман. Ты сумеешь распознать неправду, а тысячи людей прочтут, даже не усомнившись! Не возьмусь предсказать успех такой истории, не у всех получается одинаково хорошо сочинять. Но из-под пера monsieur Верна выходят настоящие шедевры. А про муху он узнает из посещений музеев, толстых монографий ученых или рассказов путешественников. Мне так целый допрос учинил. А правда ли морозы в России такие лютые? Медведи? Балалайка? О, а что пьют ямщики, чтоб в степи не замерзнуть? Три часа расспрашивал! Наверняка следую-

щий роман про нашу империю напишет.

Помолчали, думая каждый о своем. Мите не давала покоя мысль, что прошли они только половину парка и до трактира еще ковылять преизрядно. Мармеладов же вспоминал забавные случаи из путешествия, которые могли бы повеселить приятеля и скрасить долгую дорогу.

– А ведь есть еще более неожиданные сочинители, – улыбнулся он. – Пока гостил в Вене, успел ознакомиться с изумительной статьей юного г-на Фрейда о выявлении половых различий у речных угрей. Наделал шуму этот студент, должен признать. У него светлая голова и много дельных мыслей, уверен, мы о нем еще услышим... Очень забавные проводит параллели, даже позабористее г-на Дарвина. Вот ты, Митя, даже не подозреваешь, что людей и животных роднит один важнейший инстинкт – влечение самцов к самкам. И наоборот. Как утверждает г-н Фрейд, чем лучше человек это влечение использует, тем более гармоничной личностью себя проявляет...

– С чего бы у человека появились столь низменные инстинкты, как у угря какого?

– Так ведь сказано в одном из псалмов: «Аз есмь червь»... Митя, возьми-ка мою трость, что-то ты тяжело плетешься... Так вот, этот юноша выдвигает смелую гипотезу о том, что не деньги правят миром. А исключительно влечение к бабышнякам!

– Бред какой-то! Когда-то Европа была светлым солныш-

ком, а теперь, похоже, приходит время заката. Как бы они там, в темноте-то, не перепутали, где барышня, а где...

– Угорь? – усмехнулся Мармеладов. – Ладно, что мы все о скользких тварях. Есть более достойные особи. Вот, скажем, тот кавалергард. Смотри, как он идет – ни одной скамейки не пропускает вниманием, во все беседки заглядывает. Влечение, мой друг, оно по весне особенно сильно чувствуется...

Высокий статный брюнет в белом мундире двигался по парку каким-то нелепым зигзагом. Шел он навстречу приятелям, и легко было предсказать, что вскоре их пути неизбежно пересекутся. Митя пробормотал пару замысловатых ругательств.

– За что ты так строг к кавалергардам? – искренне удивился Мармеладов. – Сам же служил в гусарском эскадроне.

– Видишь ли, братец, сперва-то я хотел как раз к белым мундирам, да не взяли. Они там все как на подбор, великаны удалые, а я росту чуть выше среднего. С тех пор недолюбливаю. И потом, гусары в таких боях побывали, страшно вспомнить: в одной только битве на Кавказе подо мной трех коней убили... А эти цацы лишь покои государевы охраняют да на парадах вышагивают.

Незнакомец выглядел так, будто действительно только что прибыл с парада. Посеребренная каска с двуглавым орлом сверкала, привлекая внимание всех дам и девиц, гуляющих в парке. Белые лосины, – узкие, Митя знал это по опыту, на-

девать их следовало исключительно мокрыми, чтобы сохли уже на ногах, – были заправлены в щегольские ботфорты. Широкий пояс-кушак и красные отвороты на рукавах мундира кавалергард старался выставить напоказ, подчеркивал каждым движением. Подобное позерство свойственно юношам, едва достигшим восемнадцати лет.

– У-у-у, фанфарон, – проворчал почтмейстер с плохо скрываемой ревностью.

Они почти поравнялись с кавалергардом и услышали, как он задал вопрос сидящему на скамейке мужчине с выдающимися бакенбардами.

– Господин Мармеладов? Не вы ли господин Мармеладов?

Ответное покачивание бакенбардов из стороны в сторону ничуть не умерило пылкого напора юноши. Он повернулся, встретился глазами с литературным критиком.

– Мармеладов – это я. Зачем искали?

Кавалергард в два шага оказался рядом.

– Платон Ершов, адъютант по особым поручениям! – отрекомендовался он. – Наконец-то я нашел вас, Родион Романович. Заезжал на квартиру, но там сказали, что вы отправились в сад Эрмитаж на promenade¹.

Митя презрительно фыркнул. Юноша вспыхнул, хотел было сказать что-то резкое, но сдержался.

– Господин Мармеладов, нужна ваша помощь. Дело в том, что сегодня утром, – тут он понизил голос, практически

---

¹ Прогулку (франц.)

до шепота, чтобы не привлекать внимание зевак, — похитили единственную дочь обер-полицмейстера Москвы!

IV

– ...тогда-то г-н Арапов обнаружил, что дочери в вагоне нет. Только смятый веночек валяется под сиденьем.

Адъютант Ершов закончил изложение всей истории в дороге, под стук копыт: у выхода из Эрмитажа поджидала большая карета, вся черная и с черными же занавесками в окнах. Митя нырнул внутрь без вопросов – настолько обрадовался, что дальше не придется идти пешком. Мармеладов же осмотрел экипаж придирчивым взглядом, встретился глазами с кучером, который не ответил на улыбку. Отметил отсутствие гербов на дверцах и фонарей в углах. Сделал для себя некие открытия, явно успокоившие его любопытство. Хотел было тут же поделиться ими с кавалергардом, но тот как раз пересказывал утренние события, а потому критик решил повременить со своими выводами.

История похищения Анастасии, часть которой уже известна нашему читателю, миновала самый драматический момент. Безутешный отец пал на колени, призывая все кары небесные на голову преступников, а выбежавшая из церкви мать девочки прижала венок к губам и беззвучно заплакала.

Конка так и не тронулась с места. Полицейские, коих моментально набежало три десятка, допросили кучера, форейторов и кондуктора Фуфырева, – те ничего не видели, – поскольку хлопотали вокруг вздыбленной лошади, – а также

пассажиров злополучного рейса. Таковых было четверо. Показания каждого из них записали в протокол настолько скрупулезно, что с казенного листа будто бы звучали сбивчивые голоса.

Доктор Быковский рассказал, что сидел напротив, через один ряд. Потому подробнее других видел картину произошедшего. Девочка... Для следствия нужно называть правильно, да, да... Анастасия Николаевна сидела все время ровно и строго, по сторонам не смотрела. Потом к ней подошел молодой человек, судя по одежде – гувернер. Нет, не заметил откуда появился. Спустился с империала, а может зашел с улицы – мы же тогда как раз стояли возле Трубной площади. Сказал несколько слов дев... Да, да, простите, Анастасии Николаевне. Та встала и пошла вслед за ним, прочь из вагона. Нет, о чем именно говорили не услышал, но ушла Анастасия Николаевна по доброй воле. Если б гувернер ее силой ташил, разумеется, я бы вмешался и безобразие прекратил! Молодца этого запомнил, безусловно, я ведь достаточно его разглядел. Описать? Извольте. Так-с... Среднего роста, волосы русые, без бороды и усов. Глаза? Темные, пожалуй, что карие. Нос прямой, европейский. Более ничего особенного не разглядел. Возраст? Немного за двадцать, я бы дал двадцать три. Вряд ли старше. Если чем еще могу помочь – всегда к вашим услугам, господа полицейские.

Вдова купца Паланина, почтенная Агриппина Саввична, сидела слева от доктора. В показаниях она путалась, по-

скольку призналась, что плохо спала давешней ночью. Однако в протоколе указано, что свидетельница была слегка выпивши. Рассказ купчихи совпал с изложением событий г-ном Быковским. Добавила важную деталь: гувернер, прежде чем вывести юную барышню... Да пишите, как хотите, мне до ее имени-отчества дела нет. Пишите, пока вспомнила: прежде чем вывести юную барышню из вагона, гувернер снял с ее головы венок и бросил под сиденье. Ясное дело, знак оставлял. Над родителями безутешными куражился... Но это я теперь понимаю, а прежде думала, воспитанницу забирает на моцион. Что значит, как выводил? А-а-а, нет, не силком. За плечо придерживал, чтоб не оступилась. Галантный молодой человек. Насколько молодой? Около двадцати двух лет. Видно что не из простых. Благородный, хоть и разбойник.

Гувернантка Аксенова сидела спиной к происходящему, но так часто отворачивалась от навязчивого кондуктора, что краем глаза разглядела и похитителя. Да, соглашусь – лет ему не более двадцати трех. Может быть лишь чуть выше среднего роста. Девочка... Не смейте указывать, как мне ее называть! Так вот, девочка доставала ему только до локтя. Волосы светлые, глаза карие и весьма красивые. Лицо приятное, но такое... Обыкновенное. Ничего особенного.

Приказчик Мисимов зашел в вагон аккуратно на Трубе... Да, ваше благородие, на Трубной площади. Называть полностью? Эт» как прикажете! Зашел в вагон, сразу его и уви-

дел. Упыря этого. Стоит, руки в боки, лицом чист... Без бороды, ваше благородие. Проще говорить? Эт» как прикажете. Глаза – два каштана, вот ровно такого цвета. Сюртук черный, на шее повязан галстух. Ничего больше не приметил. Анастасия Николаевна? Не знаю такой, ваше благородие... Ах, девочка похищенная. Да я вообще ее не углядел. Закашлялся сильно, как раз, когда они выходили из вагона. Болезнь я, лечиться мне надо. Ну как сразу не сказал, да вы же не о том спрашивали. Пошел прочь, зараза? Эт» как прикажете...

Последним на допрос явился городской Милорад. Узнав о преступлении, служивый поспешил доложить, что видел похитителя! Уводил девочку по Петровскому бульвару. Что-с? Нет, сама шла рядом, тот ее даже не держал. Описание по всем правилам к делу прилагаю: от роду двадцать три года, роста среднего, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой. Приметы особые: таковых не оказалось.

– Таковых не оказалось, – повторил вслух последнюю строчку Мармеладов.

Каждый прочитанный лист он передавал Мите, хотя кавалергард был не слишком доволен присутствием почтмейстера. Но возражения придерживал – пусть начальство разбирается, а его задача сообщить подробности и доставить по назначению.

– Отрядили все наличные силы, прочесали бульвары, вплоть до Арбата. Заглянули в каждый переулок, опроси-

ли прохожих, но таинственный гувернер исчез, словно его и не было вовсе.

Окончив сообщение, адъютант Ершов откинулся на подушки и замолчал. Хотя посматривал на критика исподволь, как бы намекая: следующий ход за вами, Родион Романович. Поглядим, насколько преувеличены слухи о вашей наблюдательности и сыскном таланте.

Мармеладов принял вызов, улыбнувшись одними лишь глазами. Сказал же серьезным тоном:

– Давайте теперь изучим письмо от похитителя, которое доставили обер-полицмейстеру в десять часов утра.

Митя, привыкший к неожиданным озарениям приятеля, с нескрываемым злорадством наблюдал, как дернулась голова кавалергарда. Того словно ударили по лицу наотмашь. Ошеломленный и подавленный, он молча достал из внутреннего кармана конверт, но прежде, чем протянуть его, сумел выдать:

– Дьявольщина! Откуда вы узнали?

– Это же очевидно, – Мармеладов взял конверт в руки, однако не спешил его открыть. – В восемь утра полсотни городских бегают по всему околотку, а три различных следователя, если судить по почерку в протоколах, допросы проводят. Дело движется. И вдруг ближе к полудню, вы находите меня со словами: «Едем, срочно!» Учитывая время ваших разъездов – от дома г-на Арапова ко мне, на Пречистенку, а оттуда к Эрмитажу. Так я вычислил время доставки сооб-

щения от похитителя. Что касается его содержания, то и тут мое предположение соотносится с уже упомянутыми фактами. Рискну утверждать, что злодей потребовал не обращаться в полицию, иначе девочку он убьет.

– Полно, братец, как можно это утверждать, – не выдержал уже и Митя. – Ты ведь даже в конверт не заглядывал, откуда можешь знать содержание письма?

– Только эта угроза могла подействовать на отца. Полагаю, именно поэтому официальное расследование свернули, но решили обратиться за помощью к частному лицу – стало быть, как раз ко мне. Прав ли я? Так сам и проверь.

Резким жестом он перебросил письмо приятелю. Почтмейстер моментально выхватил листок желтоватой бумаги и прочел вслух:

– Г-н Арапов, в ваших интересах не привлекать полицию к расследованию похищения Анастасии. Иначе ваша дочь сгинет без следа. О выкупе условимся отдельно.

Он перевернул записку, оглядел со всех сторон и добавил:

– Подписи нет и кого разыскивать – непонятно.

Платон Ершов закивал, соглашаясь сразу и с тем, что Мармеладов угадал содержание письма, и с тем, что дальнейших зацепок нет.

– Только на первый взгляд, – произнес частный сыщик после минутной паузы.

Он принял из рук приятеля записку, но не стал читать, вместо этого поднес бумагу к носу и понюхал.

– Знаете, сударь, меня часто сравнивают с ищейкой, – ответил он на возглас кавалергарда, изумленного до крайней уже степени. – Обычно для того, чтобы обидеть, хотя не понимаю, что может быть унижительного в подобном сравнении. Но меня действительно увлекают загадки и тайны, исследование которых занимает ум и наполняет азартом обыденную жизнь. В этом смысле я, безусловно, ищейка и мне интересно идти по следу. А здесь он ощущается вполне явно. Не желаете ли понюхать?

Адъютант втянул воздух жадно, нахраписто. Поразмыслил немного и покачал головой.

– На духи не похоже. На кельнскую воду тоже. Пахнет, как в кондитерской.

Митя тоже пожелал ознакомиться с таинственным ароматом, но и он не признал.

– Что-то неуловимое, родом из детства. Как будто трава какая, душистая...

– Верно! – Мармеладов хлопнул почтмейстера по плечу. – Мне тоже кажется, что в этот листок была завернута некая трава. Достаточно дорогая, иначе зачем вообще ее в бумагу заворачивать? Скорее всего, это пряность и похититель любит добавлять ее в чай либо в какое блюдо заморское. Мне почему-то кажется, что в турецкое. Ведь не зря же этим делом заинтересовались в министерстве по иностранным делам, куда нас с тобой, Митя, сейчас и везут. Стало быть, придется нам турецкого шпиона ловить!

Кавалергард, совершенно уже раздавленный, схватился за горло, захрипел, но не смог произнести ни слова.

Почтмейстер же блаженно улыбался в усы, дважды удовлетворенный – ведь не только угадал про траву душистую, так еще и увидел, как заносчивого юнца в несколько минут довели до состояния полной растерянности.

– Учтите на будущее, если выпадет вам надобность скрыть место собственной службы, для начала переоденьтесь, – пояснил Мармеладов, без всякой, впрочем, надменности и почти дружелюбно. – Даже я, далекий от воинской службы человек, сразу понимаю – это ваш парадный мундир, а такие в мирное время надевают лишь для появления в высших сферах. Император в последние месяцы Москву не жалует визитами. Балы вот уже неделю нигде не дают, все благородные семьи по дачам и усадьбам разъехались. Остаются министерства – куда еще наряжаться?! Которое из них вы представляете, угадать не составило труда. Тут вас подвела карета. Она слишком заметная. Да, не удивляйтесь, черная кошка в темной комнате неуловима, но при свете дня все только на нее внимание и обращают. При этом экипаж отделан вызывающе богато, а кучер разряжен в бархат и кружева, на гишпанский манер. Для обычного министра это чересчур дорого. Стало быть, хозяин кареты – министр необычный. Князь Александр Михайлович Горчаков. Он уже не первый год руководит министерством иностранных дел, а кроме того занимает пост канцлера Российской империи. Выше толь-

ко сам государь и горные ангелы.

Теперь уже сыщик откинулся на подушки, показывая всем видом, что партию выиграл именно он. Кавалергард смотрел недоверием, к которому, однако же, примешан был самый настоящий ужас. Митя же, быстро повторив про себя аргументы, обратился к триумфатору.

– Но с чего ты взял, что за этим похищением стоит иностранец?

Мармеладов постучал в потолок кареты, подавая знак кучеру остановиться.

– Ни один душегуб, бандит или убийца в городе не станет похищать дочку главного полицейского чина. Это бессмысленно. Риск слишком высок, пересилит любую выгоду. Случится что с девочкой, отец из-под земли достанет и жестоко отомстит. Вернут живой-здоровой за выкуп – та же ситуация. Неужто г-н Арапов даст им после всего спокойно тратить деньги? Чтобы другие отважились на подобное преступление? Нет, он и в этом случае найдет, пусть даже через год или через пять. Единственный, кто не побоится пойти на такую подлость – шпион. Он разыграет девочку как козырную карту, получит от обер-полицмейстера в качестве выкупа, скорее всего, даже не деньги, а некие секретные сведения и поминай, как звали.

– Все верно, Родион Романович, все верно, – шептал Ершов, чье лицо уже давно и непрерывно горело пурпурными пятнами. – Но как вы поняли, что этот негодяй – турок?

– Здесь, признаюсь, угодил пальцем в небо, а попал сразу в полумесяц, – развел руками Мармеладов. – Просто подумалось, что в святой день ни православные, ни католики на такое не сподобятся. А басурманина это не смутит. Потому нам никак нельзя медлить – кто не побоялся украсть ребенка, тот и убьет не задумываясь.

– Тогда зачем же вы карету остановили? – адъютант только было выкарабкался по отвесному склону к вершинам логических выводов сыщика, как тут же снова рухнул вниз.

– Потому что случайно, а лучше сказать – волею судеб, мы проезжали мимо того места, где сумеем найти подсказку: что же это за трава такая, к которой похититель склонность имеет.

Мармеладов вышел из кареты, давая знак остальным следовать за ним.

– Идемте же скорее, пока запах окончательно не выветрился.

V

Аптекарский огород не слишком подходит для прогулок. Нет, безусловно, здесь имеется приятный маленький пруд, а гостям показывают достопримечательность: три дерева, – ель, пихту и лиственницу, – посаженных самим императором Петром Алексеевичем сто семьдесят уж лет назад. Но знаете, как грядку с редиской не украшай, она все одно останется грядкой. Это место не для праздного шатания, здесь гитару или шампанское не сыскать.

Зато приятная тишина обволакивает всех входящих. Звнящая тишина, и сразу становится понятно, отчего она так называется – воздух буквально дрожит от трепетания крыльев сотен тысяч насекомых, жужжащих на самых высоких нотах, стрекочущих, пролетающих стремительно мимо или накручивающих спирали вокруг цветов.

Митя оглянулся в поисках скамеек и чертыхнулся вполголоса: ни одной до самого горизонта. Что же, придется и дальше ковылять, опираясь на одолженную приятелем трость. Можно было остался в карете... Но нет уж, дудки! Куда интереснее наблюдать, как охваченный азартом охотника Мармеладов раскрывает тайны этого дела одну за другой. Натертые мозоли за это, право, невысокая цена!

– В прошлом сентябре я делал для одного журнала перевод с немецкого. Речь в той статейке шла, помнится, о по-

вальной моде на лечение болезней народными рецептами. Директор-распорядитель этого огорода помог мне тогда консультацией. Надеюсь, сейчас тоже подскажет правильно.

Мармеладов вел своих спутников в самый дальний угол, где заросли были гуще всего. Тут, у небольшой избушки, и обнаружили искомого консультанта. Он стоял на коленях между двумя грядками, густо заросшими зелеными побегами и, поплеывая изредка на пальцы, ковырял почву. Оглядывал обнажившиеся корешки, а после бережно укрывал их землей. Столько искренней любви проглядывало в этом отношении к каждой отдельной травинке, что Митя невольно залюбовался. А вместе с тем задумался: странная штука – жизнь. Один человек гнет спину, колени сбивает, пальцы запачкать готов и все ради того, чтобы эти махонькие цветочки, – да шут его знает, какое там растение, ну пусть цветочки, – крепи и тянулись к небу. Другой – злодей, который людей не жалеет. Девочку, такую же махонькую, может как травинку вырвать, убить без сожаления и раскаяния.

Адъютант же не задумывался. Он в принципе не склонен был к размышлениям, предпочитал действовать, пусть даже и опрометчиво.

– Эй, грязевик! – закричал Платон. – Позови-ка нам директора, да поскорее!

Человек распрямил спину, которая громко хрустнула и близоруко сощурился. Было ему на вид около тридцати лет, однако волосы уже начали выпадать, являя миру обшир-

ную лысину. Ершова он вниманием едва удостоил, а вот литературному критику кивнул с радушной улыбкой.

– А это, сударь, и есть директор Аптекарского огорода, – Мармеладов протянул руку, помогая садовнику подняться с колен. – Иван Николаевич, снова требуется ваша помощь.

– С радостью, Родион Романович. Все, что в моих скромных возможностях. Однако боюсь, за рамками ботаники я вряд ли смогу быть полезен.

Услышав о том, что придется распознавать траву по запаху, ботаник воодушевился. Пригласил всех пройти в дом – снаружи-то все цветет, ароматов столько, аж голова кругом, – где уж тут унюхать.

Избенка была без сени, открывалась сразу в единственную, но довольно просторную комнату. Все в ней говорило о педантичной страсти хозяина к порядку – и бумаги, разложенные в три ровные стопки на письменном столе, и аккуратно застеленная кровать, вжатая в дальний угол. Вдоль стен стояли книжные шкапы, забитые толстыми томами. Мармеладов не сдержал профессионального любопытства. В двух обнаружили старинные травники вперемешку с изящными современными монографиями. Третий, расположенный против единственного окна, обращенного на восход, был доверху забит авантюрными романами.

– Иван Николаевич, вот уж не ожидал в вас такого интереса, – усмехнулся сыщик.

– Студенты таскают, – отмахнулся ботаник. – Мне подоб-

ную ерунду читать некогда, но эти книжки для иной цели вполне пригождаются. Гербарии в них сушу.

Он ополоснул руки в ведёрке, стоявшем у двери, вытер их обрывком холстины, висевшей подле на гвозде.

– Так что там у вас за таинственная трава, Родион Романович?

Сыщик подал письмо.

– Только вы уж извольте глаза закрыть, – попросил от двери Ершов. – Содержание записки весьма деликатное.

Иван Николаевич мгновение колебался, словно борясь с желанием прогнать назойливого визитера и отказать в помощи. Только из уважительного отношения к Мармеладову не стал этого делать. Вздыхнул тяжело, но плотно зажмурился и стал обнюхивать бумагу.

– Определенно могу заявить, что это *Foeniculum vulgare*! – проговорил он, возвращая лист. – Фенхель обыкновенный. Известный в народе под названием волошский укроп.

– Без всякого сомнения? – снова встрял кавалергард.

На этот раз директор скрывать своего раздражения не стал.

– А скажите, юноша, способны ли вы перепутать коня донской породы и, скажем, рысака-орловца?

– Исключено! У них ведь разные стати и...

– Так отчего же вы сомневаетесь в том, что я разбираюсь в растениях хуже, чем вы в лошадях?! – негодовал Иван Николаевич. – Впрочем, идите за мной, сейчас я вам докажу.

При последних его словах Митя застонал. Снова идти куда-то было невыносимо. Но и отступать в присутствии этого юного хлыща в белом мундире немыслимо. Придется терпеть...

Длинную оранжерею построили в центре Аптекарского огорода, с таким расчетом, чтобы на нее в течение всего дня падали солнечные лучи. Пройдя от входа шагов десять, ботаник указал пальцем на довольно высокое растение. Темно-зеленый стебель с многочисленными мохнатыми отростками увенчивала желтая корона, состоящая из несметного количества мелких цветков. Аромат, исходивший от нагретого яркими лучами фенхеля, был тот же самый, что и на письме. Адъютант пробормотал извинения, хотя и не слишком внятно, и добавил, что никогда и не думал усомниться в компетенции...

Ботаник эти жалкие потуги игнорировал, повернувшись к кавалергарду спиной.

– Раз этот самый укроп в наших широтах произрастает, стало быть, не такая уж он и редкость, – уточнил Мармеладов.

Иван Николаевич, будучи не только ученым-исследователем, но также и самым молодым профессором Московского университета, имел склонность к чтению лекций. Вот и сейчас подробнейшим образом проинформировал сыщика и его спутников о среде обитания фенхеля обыкновенного и полезных свойствах данного растения.

Оказалось, что в Москве произрастает только этот, единственный экземпляр. Остальные не прижились, как ни старались. Солнца мало. А ему нужно много тепла и света, как и, например, розмарину – вон там неподалеку, видите, цветочки такие голубенькие? Да, тоже только здесь у нас и присутствует. А в природе все это только на юге встречается. Кавказ, Крым, Османская империя... Из тех мест и привозят на продажу, товар-то ходкий, большой доход приносит.

– Вот смотрите, – ботаник выхватил у почтмейстера трость и, не слушая возмущенного ворчания, стал тыкать ею в растение, словно указкой. – Каждая часть фенхеля используется для разных целей. Зелень и стебли идут в пищу, из плодов получают масло, а из корней аптекари делают целебные настойки. Что еще? Барышни заваривают сушеные цветки от бессонницы, а семена – чтобы похудеть. Для доктора это растение незаменимый помощник: лечит глазные болезни, застарелый кашель, нервные расстройства. И для повара в ресторации тоже пригодится. Словом, одна такая травинка, разделенная на части, принесет невероятную выгоду.

Он вернул импровизированную указку, повернулся к кавалергарду и мстительно добавил:

– А вам, юноша, я бы рекомендовал фенхель от прыщей.

Ершов смущенно молчал и прятал глаза. Мармеладов также не произнес ни слова, размышляя о чем-то своем. Напряженное молчание прервал Митя.

– Вы давеча упомянули лошадей, а в том деликатном деле, по поводу которого весь разговор затеялся, одна кобыла вела себя странным образом, – он коротко описал историю с Буркой. – Не может ли это быть реакцией на волошский укроп?

– Ни в коем случае! – покачал головой ботаник. – Растение абсолютно безвредно для людей и животных. Но мне знакомы симптомы... Скажите, спустя полчаса лошадь пала?

Почтмейстер подтолкнул Ершова под локоть. Тот встрепенулся и подтвердил; да, вскорости Бурка упала на бок, из горла и ноздрей пошла кровь и в считанные мгновения все было кончено.

– Сходится, господа. По всем признакам это *Aconitum napellus*. Аконит, по легенде произошел от яда Цербера, которого Геракл вытащил на свет из царства мертвых. Вот где слюна адской псины на землю капала, там и выросла ядовитая трава. Враки, конечно, но красиво придумано. Растение это смертельно опасно и обычно кони его распознают. Инстинкт самосохранения заставляет выплевывать яд, пока он не причинила вреда. А эта ваша Бурка, получается, съела и не заметила? С трудом верится. Аконит жгучий, стоит проглотить – от горла до желудка огнем полыхает. Если только в ухо впрыснули...

Мармеладов все это время стоявший спокойно, вдруг вздрогнул всем телом.

– Родион Романович, да что с вами? Побледнели сильно,

уж не захворали ль?

– Все хорошо, Иван Николаевич, не извольте беспокоиться. Просто с детства не переношу людей, которые способны поднять руку на лошадь. Но это вздор, вздор... Примите искреннюю благодарность за консультацию. А нам пора ехать.

На обратном пути к избушке ботаника, сыщик обратил внимание на одинокий дуб – высоченный и кряжистый стоял он посреди лужайки. Там, куда падала тень мрачного исполина, казалось, даже трава пожухла и прижалась испуганно к земле. Заметив интерес, профессор начал было рассказывать историю дерева, выросшего из желудя, посаженного самым первым директором Аптекарского огорода. Мармеладов прервал его на полуслове.

– Иван Николаевич, позвольте ли позаимствовать один из ваших гербариев?

VI

До кареты шли медленно, приноравливаясь к хромающей походке Мити.

– Куда поедem, Родион Романович? – спросил адъютант, окончательно признавая право Мармеладова командовать всем расследованием.

Сыщик прижимал к груди книгу с гербарием и задумчиво шептал что-то себе под нос. Разобрать удалось только «... доктора».

– Неужели ты и впрямь захворал? – переспросил почтмейстер.

Он присел на подножку экипажа, стянул сапог и прилаживал к волдырям подорожник, сорванный в Аптекарском огороде. Поплевал на зеленый лист, а после туго замотал портянку. Обулся, топнул ногой – да, вроде полегче.

– Незаменимый помощник доктора, – чуть громче повторил Мармеладов недавние слова ботаника и перевел взгляд на адъютанта. – Известен ли вам, сударь, адрес г-на Быковского?

– Ну как же, как же, – кавалергард, открыл дверь кареты и достал бумаги. – У меня в протоколах все указано, по каждому свидетелю. Вот-с. Улица Петровка, дом тридцать четвертый. Это напротив Перовских ворот. А зачем нам к нему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.